

раженіе, что „Сынъ существенно объемлется Отцомъ“, какой имѣеть смыслъ и что означаетъ, я не очень понимаю. Столь большую, долженъ сказать я правду, имѣеть оно неясность. Это разсужденіе ихъ какъ будто стыдится и укрывается въ неясности, не имѣя смѣлости (быть выраженнымъ ясно). Какъ „дурное дѣлающій ненавидитъ свѣтъ и не приходитъ къ свѣту, чтобы не быть избличеннымъ“, по слову Спасителя (Иоан. 3, 20), такъ всякая рѣчь, означающая дурное, обыкновенно обращается къ темнымъ выраженіямъ и не прибѣгаетъ къ ясному раскрытію, чтобы не открылись присущія ей пошлость и глупость.

Въ самомъ дѣлѣ, что означаетъ это: „Сынъ существенно объемлется Отцомъ?“

Всѣми силами, сколько могу, постараюсь раскрыть это неясное выраженіе и быть можетъ боящееся того, чтобы ясно понятое оно дѣйствительно не открыло злоумышленія творца его.

Вѣдь если оно хочетъ выразить то, что Сынъ, являясь въ сущности Отца, какъ единосущный Ему, и Самъ имѣеть въ Себѣ Отца, всецѣло просвѣчивающагося въ природѣ Своего Сына, то согласимся и мы съ такимъ разсужденіемъ. Только терминъ „объятія“ (*περιοχῆς*), употребленный о Сынѣ, кажется намъ весьма не умѣстнымъ.

Если же не выражаетъ этого,—вѣдь никогда не можетъ допустить рожденіе Сына изъ сущности тотъ, кто извергъ такую на Него хулу и кто утверждаетъ, что природа Сына объята природою Отца какъ бы нѣкое ограниченное тѣло,—то развѣ не окажется явно богохульствующимъ и исполненнымъ доходящимъ до крайности умоповрежденіемъ? И называя Сына Богомъ, они вопреки разуму стараются присвоить Ему свойства тѣлъ. Вѣдь то, что всецѣло ограничивается

какимъ либо опредѣленіемъ и измѣреніемъ, мыслимымъ на разстояніи, такъ что имѣеть начало и конецъ, безъ сомнѣнія должно допускать и бытіе, на примѣръ, въ какомъ либо мѣстѣ, имѣть количественность и видъ и образъ. Но это все развѣ не свойства тѣль? И развѣ Тотъ, Кто выше насъ, не будетъ мыслиться съ нами, какъ намъ подобный? И не окажется ли Онъ родственнымъ всякой другой твари, уже не имѣя ничего большаго предъ нею, поскольку это касается до ограниченности ея?

Но если это такъ, по неразумному предположенію нашихъ противниковъ, то зачѣмъ напрасно устрашаетъ насъ словами: „вы отъ нижнихъ, Я отъ вышнихъ“, и опять: „вы отъ міра сего, Я не отъ міра сего“ (Іоан. 8, 23)? А говоря о Себѣ, что Онъ „свыше“ (*ἄνωθεν*), не употребилъ просто съ „небесъ“, ибо какое преимущество Онъ имѣлъ бы тогда предъ святыми ангелами, какъ скоро мы найдемъ, что и они „свыше“, принимая выраженіе въ мѣстномъ смыслѣ? Но оно указываетъ на то, что Онъ рожденъ отъ Вышней и надъ всѣмъ Владычествующей Сущности. Итакъ, какъ можетъ Онъ оказываться истиннымъ, если имѣеть свойства тѣль, общія съ другою тварью и вмѣстѣ съ приведеннымъ изъ небытія въ бытіе объемлется Отцомъ, если мы должны признать, что ничто не можетъ быть внѣ Его? Такъ и божественный псалмопѣвецъ, изрекая Духомъ совершенно истинныя и сокровенныя тайны, говоритъ, что Сынъ не отсутствуету рѣшительно ни отъ одного мѣста, свидѣтельствуя тѣмъ о Его безтѣлесности и неограниченности, какъ и о томъ, что Онъ не объемлется мѣстомъ, какъ Богъ. „Куда, говоритъ, пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего куда бѣгу? Если взойду на небо, Ты—тамъ,—если сойду въ адъ, присутствуешь (и тамъ),—

если возьму крылья мои по утру и пойду въ предѣлы моря, и тамъ рука Твоя будетъ путеводить меня и будетъ содержать меня десница Твоя“ (Псал. 138, 7—10). А эти (лжеучители), безразсудно противопоставляя свое мнѣніе откровеніямъ Духа, подвергаютъ Единороднаго ограниченію, хотя они и обязаны имѣть относительно этого правильное и надлежащее разсужденіе. Вѣдь если наполняетъ небеса и предѣлы земли, то-есть и адъ, то развѣ не верхъ неразумія прилагать къ Нему терминъ объема, не принимая во вниманіе того, что если лицо Его, то-есть Духъ,—ибо лицомъ Сына называетъ Духа,—наполняетъ все, то какъ Онъ Самъ могъ бы быть внутри объема Его Богомъ и Отцомъ? Но не менѣе безразсудно усвоить описуемость безтѣлесному и подвергать мѣрѣ неограниченное. Вѣдь говорить, что Онъ существенно объемлетъ Богомъ и Отцомъ, что другое означаетъ, какъ не то, что Онъ имѣетъ ограниченную сущность, какъ безъ сомнѣнія и каждое изъ Его твореній, коимъ мы смѣло и истинно должны усвоить объемлемость, ибо (и они) тѣла суть, хотя бы и не такія, какъ наши.

Кромѣ того надо принять во вниманіе и вотъ что. Если мы считаемъ необходимымъ, чтобы объемлемое чѣмъ либо находилось внутри того, что его объемлетъ, то развѣ отсюда не должно съ безспорностію слѣдовать, что объемлемое мыслится меньшимъ объемлющаго и является ограниченнымъ, какъ бы будучи заключено объемомъ большаго? Что же скажешь опять, любезнѣйшій? Вотъ Онъ, представивъ Себя образомъ Бога и Отца и ясно сказавъ: „видѣвшій Меня, видѣлъ Отца“, тутъ же опять присоединилъ: „Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ“ (14, 9—10). Вѣдь если по вашему мнѣнію, Онъ говорить, что, будучи начер-

таніемъ и образомъ Родившаго, Я однакожь объемлюсь Имъ существенно, то развѣ не для всѣхъ безспорно, что этимъ Онъ желаетъ, чтобы мы имѣли объ Отцѣ такія же представленія, какія получили и о Немъ? Поэтому необходимо быть ограниченнымъ и Отцу, ибо есть это въ Сынѣ. Пусть же рѣшаетъ еретикъ, кто больше Его? А мнѣ не подобаетъ объ этомъ говорить или думать, ибо не отчасти Сынъ долженъ быть образомъ Отца, а отчасти нѣтъ. Вѣдь если имѣетъ что либо, что отчуждаетъ или посредствуетъ всецѣлое подобіе (Его Отцу), то Онъ будетъ уже частичнымъ, а не всецѣлымъ образомъ. Но развѣ можешь показать, гдѣ это говоритъ Священное Писаніе? Отнюдь конечно не послѣдуемъ твоимъ словамъ и не отвергнемъ правоту священныхъ догматовъ.

Удивляюсь, какъ не устрашились они сказать при этомъ: „какъ Павелъ имѣлъ въ себѣ Христа говорящаго и совершающаго чудеса, точно такимъ же образомъ и Сынъ имѣлъ въ Себѣ Отца говорящаго и творящаго знаменія, почему говоритъ: „вѣруйте, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ,—если же нѣтъ, ради дѣлъ самыхъ вѣруйте“.

Но кто же будетъ называть христіаниномъ такъ разсуждающаго и думающаго о Христѣ? Вѣдь вотъ уже очень ясно говорить, что Онъ не есть истинно Богъ. Но, безразсудно усвоивъ Ему подобающую тварямъ мѣру, проповѣдуетъ Его какимъ то богоноснымъ и Богу причастнымъ или отъ Бога рожденнымъ Богомъ. А цѣль у него та, чтобы всѣми, такъ сказать, мѣрами и способами совершенно исключить Его изъ сущности Бога и Отца и вообще отдѣлить отъ природнаго и существеннаго единства, которое Онъ имѣетъ съ Своимъ Отцомъ и Богомъ.

Возможна ли высшая степень безумія? И развѣ

надъ преданными столь необузданному нечестію, какъ бы надъ мертвыми уже и погибшими, развѣ не слѣдуетъ пролить слезу любви и вполне благовременно сказать: „кто дастъ главѣ моей воду и очамъ источникъ слезъ, и буду оплакивать народъ сей днемъ и ночью?“ (Іер. 9, 1). Дѣйствительно, надъ усвоившими себѣ такой образъ мыслей слѣдуетъ проливать непрестанныя слезы. Но такъ какъ, полагаю, истинными догматами надлежитъ отражать ихнія клеветы, для пользы простецовъ, то вотъ опять скажемъ имъ слѣдующее, потому что „ревнуя возревновали мы для Господа“ (3 Цар. 19, 10).

Вѣдь и Божественный Павелъ, любезнѣшіе, или и кто другой изъ святыхъ, имѣя Христа въ своемъ умѣ, обитающаго чрезъ Духа, дѣлали вполне угодное Богу и являлись совершителями чудесъ. Поэтому несомнѣнно,—это и самъ ты признать долженъ за истинное,—что, будучи людьми по природѣ и по сущности отличаясь отъ обитавшаго въ нихъ Святаго Духа Христова, нѣкоторые оказывались богобоязненными и славными посредствомъ данной имъ отъ Христа благодати. Ты конечно согласишься съ нами, что нѣкогда они были лишены благодатнаго дара, но призваны къ нему, ибо такъ благоугодно всеѣмъ справедливо правящему Богу. Поэтому возможно допускать, что чрезъ какое либо беззаконіе или несправедливое дѣяніе блаженный Павелъ или кто другой ему подобный, оскорбивъ Бога, можетъ оказаться лишеннымъ даной ему благодати и низвергнуться снова и возвратиться въ то униженіе, откуда онъ возшелъ (посредствомъ благодати), ибо совершенно внѣшнее и сообщенное легко можетъ и отторгаться и отниматься, какъ данное.

Итакъ, любезнѣйшій,—къ тебѣ опять обратится сло-

во (наше),—если, согласно твоему невѣжественному и нечестивѣйшему предположенію, какъ въ Павлѣ былъ говорящимъ и чудотворящимъ Христось, такъ должно признавать и бытіе Отца въ Сынѣ, то развѣ не очевидно, что Онъ отнюдь не будетъ Богомъ по природѣ, но чѣмъ либо другимъ, отличнымъ отъ обитающаго въ Немъ Отца, Бога истиннаго? Вѣдь такъ и Христось былъ въ Павлѣ. Слѣдовательно Единородный въ такомъ случаѣ есть орудіе и какъ бы сосудъ нѣкій, уготованный въ славу, и ни чѣмъ не будетъ отличаться отъ флейты или лиры, производя тѣ звуки, какіе заставляютъ ее стройно издавать посредствомъ дуновенія или ударника (палочки). Онъ будетъ употребляться Отцомъ для чудотворенія такъ же, какъ представляется пила или топоръ у занимающихся плотничествомъ.

Но что можетъ быть неразумнѣе этого? Вѣдь если Онъ таковъ по природѣ, какъ говорятъ тѣ, то Онъ будетъ совершенно чуждъ Бога и Отца, поскольку Онъ у насъ признается Богомъ по природѣ и никѣмъ другимъ кромѣ Него. Если же Сынъ отдѣляется отъ сущности Отца, по отношенію къ бытію Богомъ по природѣ, то не должны ли мы признать уже за истинное, что Онъ отнесенъ въ разрядъ тварей и причисленъ къ созданіямъ,—что Онъ взятъ въ качествѣ орудія, и Сынъ, присѣдающій Отцу въ концѣ концовъ оказывается у насъ уже служителемъ вмѣсто Владыки. Болѣе того: Онъ уже не есть Сынъ истинный, ибо признанное въ качествѣ орудія нельзя мыслить и принимать за сына. Такимъ образомъ Отецъ родилъ орудіе присущаго Ему искусства или премудрости и оказывается породившимъ изъ Себя нѣчто другое сравнительно съ тѣмъ, что Онъ есть Самъ. Но развѣ это допустимо? И не совсѣмъ ли глу-

по мыслить нѣчто такое? Если такимъ образомъ не измѣнишь представленія о Сынѣ, какъ объ орудіи и служителѣ и не признаешь Его истиннымъ порожденіемъ, но отринешь Его неизреченное рожденіе, разумѣю изъ сущности Бога и Отца, то долженъ будешь умалить самую славу Родившаго. Тогда Отецъ уже не будетъ истиннымъ отцомъ, ибо никого неродивъ изъ Себя, кого же Онъ будетъ отцомъ по природѣ? Совершенно лжеименна слѣдовательно Святая Троица, какъ скоро Отецъ не есть истинный Отецъ, ни Сынъ не есть Сынъ по природѣ, а соотвѣтственно этому умозрѣнію послѣдуетъ хула и на Духа.

Стало быть мы обманываемся и ложна вѣра наша, — неправду высказываетъ и святое писаніе, называя Бога Отцомъ. И если Сынъ не есть Богъ по природѣ, какъ рожденный отъ Бога и Отца, то заблуждаемся мы, и вмѣстѣ съ обитателями земли заблуждается и вышній градъ и чистѣйшій сонмъ святыхъ ангеловъ, вмѣстѣ съ Богомъ по природѣ сопрославляя и споклоняясь и, не знаю какъ, склоняясь славословить богоносный нѣкій сосудъ и одно изъ твореній, конечно по ихъ безразсудному мнѣнію. Если же Отецъ пожелалъ бы когда либо прекратить Свое состояніе и обитаніе въ Сынѣ, то тогда Онъ (Сынъ) ничѣмъ, пожалуй, не будетъ различаться отъ (тварей) уклонившихся отъ своего главенства (ангеловъ злыхъ), такъ какъ не имѣетъ ничего собственнаго и не носитъ въ Своей природѣ Родившаго Его, но, напротивъ, во всемъ подобенъ намъ и укрѣпляется только божественною благодатью и имени сыновства удостоивается вмѣстѣ съ нами. Но почему же, въ такомъ случаѣ, скажи мнѣ, и Самъ Онъ не исповѣдуетъ Свою природу (сходною) съ нами? Почему „мы погибающіе въ вѣкъ, а Онъ возсѣдающій въ вѣкъ“ (Варух. 3, 3)?

Почему мы—слуги, а Онъ—Господь? Вѣдь и мы называемся сынами Божиими, и приэтомъ однакожь, выполнѣ сознавая свою природу, нисколько не стыдимся этой славы. А по какой же причинѣ, скажи мнѣ, Онъ, хотя и подобенъ намъ и ничѣмъ не вышается надъ тварями, такъ какъ не есть Богъ по природѣ, какъ думаютъ эти невѣжды,—почему Онъ не исповѣдуетъ вмѣстѣ съ нами свое рабство? Напротивъ, усвоивъ Себѣ подобающую и принадлежащую собственно божественной природѣ честь и славу, оказывается говорящимъ святымъ ученикамъ: „вы зовете Меня „Господь и Учитель“, и хорошо говорите, ибо Я таковъ“ (Іоан. 13, 13). Это говоритъ Спаситель. А эти велемудрые изобрѣтатели прогивныхъ Ему догматовъ хотя и похваляютъ Его за то, что Онъ говорить и утверждаетъ, что Онъ выполнѣ истинно называется Господомъ, но, лишая Его природнаго господства своимъ нежеланіемъ признавать Его Богомъ отъ Бога по природѣ, не думаютъ, что этимъ самымъ обвиняютъ себя самихъ въ самой постыдной мерзости.

Что Онъ не желаетъ быть причисленнымъ къ разряду существъ тварныхъ и занимающихъ рабское положеніе, но, напротивъ, устремляетъ Свой взоръ на присущую Ему по природѣ свободу, хотя и находился въ образѣ раба, это можешь уразумѣть и изъ слѣдующаго. Прибыль Онъ (однажды) въ Капернаумъ, какъ читаемъ въ евангеліяхъ. И вотъ собиратели установленной закономъ дидрахмы (подати на храмъ), приступивъ къ Петру, говорили: „Учитель вашъ не дастъ ли дидрахму?“ И такъ какъ Христосъ узналъ объ этомъ, то надлежитъ знать, что отвѣтилъ Онъ Петру: „цари земли съ кого берутъ оброкъ или подати? Съ сыновъ или съ чужихъ?“ И когда Петръ

премудро и вразумительно призналъ, что чуждый царственнаго достоинства, поскольку это касается до рода (царственнаго) и (вообще) какого либо близкаго родства (съ царемъ), долженъ подлежать законамъ или податямъ, Христосъ тотчасъ присоединилъ, свидѣтельствуя объ истинно присущемъ Ему божественномъ достоинствѣ: „слѣдовательно свободны суть сыны“ (Матѳ. 17, 24—26). Если бы былъ сорабъ, а не Сынъ истинный, рожденный изъ сущности Отца, то почему, всѣхъ другихъ подвергая податямъ, какъ чужихъ по роду взимающему подати ¹⁾ и занимающихъ положеніе рабовъ, одному только Себѣ усвоилъ свободу? Собственно и истинно подобающее одному только божеству къ намъ примѣняется иносказательно, а Ему принадлежитъ истинно, такъ что если кто точно разсмотритъ природу тварей, тотъ безъ сомнѣнія найдетъ вполнѣ подобающими ей какъ названіе такъ и состояніе рабства. А если нѣкоторые изъ насъ почтены славою свободы, то въ неистинномъ смыслѣ обладаютъ тѣмъ, что подобаетъ Одному только Богу.

Кромѣ того, съ великимъ удовольствіемъ спросимъ у нихъ и вотъ что: назовутъ ли они Павла богоноснымъ потому, что Христосъ обиталъ въ немъ чрезъ Своего Духа, или же своею болтовнею отвергнуть и это? Если скажутъ, что онъ не былъ истинно богоноснымъ, то этого будетъ достаточно для того, чтобы заставить всѣхъ наконецъ отвращаться отъ ихней болтовни и питать крайнюю ненависть къ нимъ, какъ не стѣсняющимся высказывать всякія нелѣпости. Если же, избѣгая сего, захотятъ говорить истину и признаютъ его истинно богоноснымъ, по причинѣ обитанія въ немъ Христа, то развѣ не окажутся крайне

¹⁾ Нѣтъ никакой необходимости читать здѣсь отрицаніе *οὐκ*, какъ дѣлаетъ Аубертъ: *φύσις* можно понимать въ значеніи рода, породы.

нечестивыми ихъ рѣчи о томъ, что Сынъ чуждъ сущности Бога и Отца? Вѣдь Павелъ уже не богоносецъ, какъ скоро Сынъ не есть Богъ по природѣ. Но иногда имѣютъ стыдъ и они, хотя ихъ рѣчи отличаются лукавствомъ и злоумышленіемъ,—они назовутъ Сына Богомъ, однакожъ Онъ по природѣ не рожденъ отъ Бога. Но каждый безъ сомнѣнія легко уличитъ ихъ и въ этомъ, Какъ можетъ быть Богомъ, если не рожденъ отъ Бога по природѣ? Кромѣ того скажемъ вотъ что. Ты говоришь, что Сынъ есть Богъ по природѣ. Но развѣ Тотъ, Кто есть Богъ по природѣ, можетъ быть богоноснымъ или причастнымъ Богу? Вѣдь нельзя быть причастникомъ самого себя. И для чего Богъ будетъ обитать въ Богѣ, какъ другой въ другомъ? Если воспринимаемое по природѣ есть тоже, чѣмъ мыслится и обитающее, то какая же, наконецъ, будетъ надобность въ причастіи (одного другому)? Если же какъ Онъ (Сынъ) обиталъ въ Павлѣ, такимъ же самымъ образомъ и Отецъ въ Немъ (Сынѣ), то какъ же не окажется богоноснымъ подобно Павлу, отнюдь уже не будучи Богомъ по природѣ, какъ нуждающійся въ высшемъ, то-есть обитающемъ въ Немъ Богѣ?

Потомъ, кромѣ этого, и еще нѣчто придумываетъ этотъ смѣлый противникъ нашъ и посредствомъ многихъ доказательствъ, какъ воображаетъ онъ, пытается распространить свое ученіе. Говорю объ этомъ потому, что считаю нужнымъ коснуться всѣхъ его словъ и широко изслѣдовать присущее ему богоборное намѣреніе, чтобы ясно былъ изоблеченъ въ томъ, что ставить Единороднаго въ числѣ твореній' и приукрашенными обманами разсыпавъ нечестіе на Него, онъ жалкій (еретикъ), хотя и соисповѣдуетъ (съ православными) Его Богомъ, но, отнимая у Него истинное

божество по природѣ, думаетъ какъ либо укрыться отъ взирающихъ на самую истину.

Онъ пишетъ вотъ что: „но какъ о насъ говорится, что мы въ Немъ находимся, хотя имѣемъ не смѣшанную съ Нимъ ипостась, такимъ же самымъ образомъ и Сынъ, пребывая въ Отцѣ, имѣетъ (однакоже) различную отъ Нерожденнаго сущность“.

Сколько дерзости! Какая ужасная рѣчь и полная недомыслия, вѣрнѣе же всецѣлой глупости и безумія! Дѣйствительно обезумѣли они, называя себя мудрыми (Римл. 1, 22),—и, мысля такъ о Единородномъ, отверглись отъ купившаго ихъ Владыки (2 Петр. 2, 1), по написанному. Вѣдь если, какъ говорятъ они, Слово Божіе есть человѣкъ и одинъ изъ насъ подобныхъ, то нѣтъ уже никакого препятствія говорить, что Онъ существенъ въ Богѣ такъ же, какъ мы. А если вѣруютъ, что Онъ есть Богъ, и признаютъ поклоненіе Ему, какъ таковому по природѣ, то почему же не допускаютъ, что Онъ, какъ подобаетъ Богу, пребываетъ въ Своемъ Родителѣ и имѣетъ Его въ Себѣ? Вѣдь такъ думать и говорить, полагаю, всего приличнѣе истинно боголюбивымъ людямъ. И если, держась своего несокрушимаго безстыдства, настаиваютъ на своихъ словахъ и утверждаютъ, что Сынъ въ Отцѣ такъ же, какъ можетъ быть (въ Богѣ) и каждый изъ насъ, изъ небытія и отъ земли происшедшихъ чрезъ Него, то почему же наконецъ не допускается желающимъ изъ насъ смѣло сказать: „увидѣвшій меня увидѣлъ Отца, и Я въ Отцѣ и Отецъ во мнѣ есть“? Но, полагаю, за это всякій подвергся бы обвиненію въ самомъ крайнемъ безуміи, и вполнѣ справедливо. Вѣдь это нелѣпость, и такое изреченіе богодухновеннымъ писаніемъ никогда не употреблено ни объ одномъ изъ святыхъ. Напротивъ, всѣ усвоя-

ютъ Господу по природѣ и Богу Единородному ¹⁾ несравненное преимущество надъ всѣми святыми и восклицаютъ именно такъ: „кто уподобится Господу въ сынахъ Божіихъ?“ (Псал. 88, 7). Какъ же поэтому будетъ подобенъ намъ Единородный, если, по гласу святыхъ, никто не равенъ и не подобенъ Ему? А если Онъ въ Богѣ такъ же, какъ мы, то развѣ не окажется уже необходимость утверждать, что сонмъ святыхъ говорить ложь, и Сыну по природѣ не усвоить ничего большаго, чѣмъ Онъ являлся бы неравнымъ съ всыновленными (по благодати)? Дальше отъ этой мерзости, человѣкъ! Не такъ будемъ мы думать, нѣтъ,—но слѣдуя мнѣнію святыхъ отцовъ, мы съ вѣрою ожидаемъ себѣ благоволенія у Бога.

Но такъ какъ для доказательства своихъ мыслей и словъ они приводятъ изреченіе Павла, что въ Богѣ мы „живемъ и движемся и существуемъ“ (Дѣян. 17, 28), ослабляя доказательную силу изреченія, что „Сынъ въ Отцѣ“, посредствомъ сравненія съ нами, то постараемся, подвергнувъ подлежащимъ изслѣдованіямъ вышеприведенныя слова Ап. Павла, изобличить ихъ въ томъ, что они желаютъ оклеветать умъ святыхъ апостоловъ и вполнѣ правильно сказанное безразсудно извратить по своему произволу.

Блаженный Павелъ, прибылъ въ Аѳины и видя, что тамошній народъ хотя и считается мудрымъ, но всецѣло погруженъ въ многобожное заблужденіе, благочестивыми разсужденіями старался отвлечь его отъ исконной лжи, благородно направивъ къ познанію единаго и единственнаго Бога, дарующаго Своимъ тварямъ движеніе и жизнь и бытіе. Все животворить Создатель всяческихъ, будучи жизнью по

¹⁾ Иоан. 1, 18 Александрійскіе отцы, какъ и мн др и кодд Снв. Вадр и мн. пер чит *ὁ μονογενὴς θεὸς* вм *ἕως* Ср толк и прим къ эт м

природѣ, неизреченно внѣдря имъ силу Своего свойства (жизни). Иначе не могло бы поддерживать сохраненіе своего существованія то, что получило бытіе изъ небытія и тотчасъ возвратилось бы въ свою природу, то есть опять въ небытіе, если бы своимъ общеніемъ съ Сущимъ не препобѣждала слабость своего бытія. Поэтому божественный Павелъ справедливо и весьма прекрасно сказалъ, показуя Бога жизнью всяческихъ, что „въ Немъ живемъ и движемся и существуемъ“. Не то конечно желая выразить, что они, уничтожая правильность священныхъ писаній, выдумали сообразно собственной цѣли, но то, что было истинно и весьма полезно для руководимыхъ теперь къ богопознанію. И если надо сказать яснѣе, отнюдь не желаетъ указать на то, что мы, будучи людьми по природѣ, находимся въ сущности Отца и оказываемся сущими въ немъ, но что мы и живемъ и движемся и существуемъ въ Богѣ или состоимъ (ср. Колос. 1, 17).

„Но да“,—говоритъ представитель пагубныхъ догматовъ, „такъ какъ тебѣ кажется и представляется правильнымъ выраженіе „въ Богѣ“ считать равнозначущимъ съ „черезъ Бога“, то зачѣмъ ведешь напрасныя разглагольствія? Почему подвергаешь насъ обвиненію въ хулѣ, когда мы утверждаемъ, что Сынъ сотворенъ черезъ Отца? Вѣдь вотъ Самъ говоритъ, что „Я въ Отцѣ“ вмѣсто „черезъ Отца“, по твоимъ же, любезный, словамъ и по только что представленному намъ изъ священныхъ писаній обыкновенію“.

Я же скажу, что и противъ этого надо опять защититься и обнаружить злоухищренія и вредные умыслы ихъ.

Удивляюсь, какъ это они, съ радостію узнавъ обычай божественнаго писанія употребляютъ выраженіе

„въ Богъ“ вмѣсто „черезъ Бога“ и ради одной только возможности унижить чѣмъ либо славу Единородного охотно принявъ это изреченіе, тѣмъ не менѣе совсѣмъ не замѣтили того, что опять они окажутся болтунами, хотя и называютъ себя мудрыми и искусными. Вотъ если бы однимъ только противникамъ нашимъ дозволительно было утверждаться на словупотребленіи богодухновеннаго писанія въ отношеніи къ сущности Единороднаго и на этомъ основаніи говорить, что Онъ сотворенъ Отцомъ, хотя и пребываетъ въ Богѣ, какъ сказано о Немъ,—вѣдь мы согласились уже, что „въ Богѣ“ можно разумѣть въ смыслѣ „черезъ Бога“: то злоученіе ихъ повидимому имѣло бы, пожалуй, нѣкое не совсѣмъ невѣжественное основаніе. Но какъ скоро и для насъ самихъ, желающихъ посредствомъ доведенія до большей нелѣпости ниспровергать ихъ гнилые догматы, нѣтъ никакого препятствія относить значеніе этого выраженія и къ Самому Отцу и ясно сказать, что и изреченіе „Отецъ во Мнѣ“ надлежитъ разумѣть вмѣсто „черезъ Меня“, такъ что уже и Самъ Отецъ окажется тварнымъ: то развѣ они, осмѣлившіеся на такія весьма неразумныя разсужденія, могутъ избѣжать осужденія въ крайнемъ безуміи? Вѣдь какъ Сынъ, говоритъ, Самъ находится въ Отцѣ, такъ и Отецъ находится въ Немъ Самомъ. Если же „въ Отцѣ“ желаютъ понимать въ смыслѣ „черезъ Отца“, то что запрещаетъ сказать, что и „въ Сынѣ“ должно разумѣться какъ „черезъ Сына“?

Но мы и теперь не позволимъ себѣ вмѣстѣ съ ними впасть въ такое безуміе. Не будемъ говорить какъ то, что чрезъ Отца сотворенъ Сынъ, такъ и то, что чрезъ Сына получилъ бытіе Тотъ, отъ Кого все, Отецъ и Богъ. Напротивъ, примѣняя надлежащимъ

образомъ къ каждому времени, лицу и предмету обычное словоупотребленіе богодуховнаго писанія, будемъ составлять чистое и безукоризненное разсужденіе о всѣхъ необходимыхъ предметахъ. О предметахъ, переведенныхъ изъ небытія въ бытіе и происшедшихъ чрезъ Бога, развѣ не вполне подобаешь намъ думать и говорить, что они въ Богѣ, тоестъ чрезъ Бога? Напротивъ, къ Сыну по природѣ и Господу и Богу и Творцу всяческихъ не считаю это примѣнимымъ въ собственномъ и истинномъ смыслѣ, но Онъ природно находится въ Отцѣ и пребываетъ въ Немъ и Самъ имѣетъ Его въ себѣ, потому что является въ тожествѣ сущности (съ Нимъ) и совершенно ничего не имѣетъ посредствующаго и не отдѣляется природнымъ различіемъ.

Можетъ быть благоразумнѣйшимъ и покажется, какъ мнѣ думается, хорошимъ наше разсужденіе, но противникъ конечно отнюдь не согласится съ нимъ. Онъ будетъ опять выставлять уже приведенное въ началѣ утвержденіе, что Отецъ въ Сынѣ находится такъ же, какъ мы въ Немъ.

Итакъ что же,—сказали бы мы, не безъ основаній обличая гнилыя и ребяческія мысли и рѣчи,—ты говоришь, что Сынъ въ Отцѣ находится такъ же, какъ мы въ Немъ? Прекрасно. Но въ такомъ случаѣ почему же, скажемъ на это, свойственная нашей природѣ ограниченность не позволяетъ намъ величаться тѣми же самыми словами, какія употреблялъ о Себѣ и Самъ Христосъ? Самъ Онъ, такъ какъ находится въ Отцѣ и Отца имѣетъ въ себѣ, будучи образомъ Его и потому совершенно точнымъ отображеніемъ, говоритъ: „видѣвшій Меня, видѣлъ Отца,—Я и Отецъ одно“. А мы, скажи мнѣ, если такъ же находимся въ Немъ и имѣемъ Его въ себѣ, какъ безъ сомнѣнія

и Онъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ,—почему, съ высоко поднятою головою и смѣлымъ лицомъ и взоромъ предъ встрѣчными, не говоримъ дерзновенно: я во Христѣ и Христосъ во мнѣ,—видѣвшій меня, видѣлъ Христа,—я и Христосъ—одно? Что же отсюда далѣе? Кто либо, полагаю, пожалуй не побоится и не поколеблется прямо и смѣло сказать наконецъ и о Самомъ уже Отцѣ это: Я и Отецъ—одно. Если Отецъ съ Сыномъ одно, то какимъ образомъ онъ (человѣкъ) не будетъ уже соравенъ Самому Отцу, ставъ неизмѣннымъ образомъ Неизмѣннаго Образа, тоестъ Сына? Но кто же можетъ когда дойти до такого безумія, чтобы осмѣлиться говорить: видѣвшій меня, видѣлъ Христа,—я и Христосъ—одно? Вѣдь если допустить, что Сынъ пребываетъ въ Отцѣ только по состоянію, а не по природѣ, равно и Отца имѣетъ въ Себѣ, какъ и мы такимъ же образомъ во Христѣ и Христосъ въ насъ: то, во первыхъ, Сынъ окажется въ одномъ ряду съ нами,—а потомъ, не будетъ никакого препятствія для насъ, минуя, если хотимъ, и Самого Сына, какъ находящагося по срединѣ, какъ бы прямо перейти къ Самому Отцу и говорить, что мы столь точно уподобляемся Ему, что не оказывается ничего раздѣляющаго, ибо выраженіе „быть одно съ чѣмъ“ имѣетъ такое значеніе. Не замѣчаете ли такимъ образомъ, въ какое безразсудство и вмѣстѣ нечестіе впалъ у нихъ умъ и какая получилась путаница въ ихъ нелѣпныхъ разсужденіяхъ?

Какой предлогъ у нихъ говорить и утверждать это и пользоваться столь пошлыми разсужденіями, объ этомъ скажу опять. Одна у нихъ цѣль—представить Сына совершенно чуждымъ и лишеннымъ сущности Отца. Что это правда, узнаемъ изъ словъ, стоящихъ рядомъ и присоединенныхъ къ прежнимъ его хуле-